

Перевод Дарьи Целовальниковой
Редактор Г. Горбовский

Сабина Дюран

Запомни меня навсегда

Посвящается Б.С., Дж. С. и М.С.

Теперь я понимаю, почему боль утраты воспринимается как страх перед неизвестностью.
К.С. Льюис

Зак

Я стоял неподалеку и наблюдал за ней через окно школьной библиотеки. Горел свет, она прошла мимо окна дважды. На третий раз она облокотилась на подоконник и выглянула на улицу. Смотрела прямо на меня и не видела: я прислонился спиной к дереву, надежно укрывшись за густыми ветвями. Я уже собирался шагнуть вперед, как вдруг рядом с ней возник мужчина, и она со смехом обернулась, запрокинув голову. Я представил, как он целует ее в изгиб шеи, где пульсирует вена, она прикрывает глаза, он сжимает ее грудь...

Если она с кем-нибудь сойдется, если забудет все, что было между нами, я ее убью!
И пусть пеняет на себя.

Глава 1

Лиззи

Февральские каникулы, 2013

Глубокий вдох. Пахнет бензином и гниющими водорослями, во рту привкус соли. Море совсем рядом. На лице морось и брызги из-под колес проезжающих мимо автомобилей. В руках я сжимаю цветы, словно невеста перед венчанием. Я долго колебалась и выбрала гиацинты. Синие. Зак говорил, что букет непременно должен быть однотонным. Стебли я обмотала мокрым бумажным полотенцем и целлофаном. То ли слишком сильно намочила бумагу, то ли в пакете дырочка – по локтю течет вода.

За шоссе – покрытый травой косогор, рошица, тень соседнего холма. Над ним бурое небо цвета грязной овечьей шерсти, темные пятна облаков, кое-где проглядывают лучи заходящего солнца. Я цепляюсь за эти детали, потому что знаю: на другой стороне проезжей части, чуть левее, находится то самое место. Я вижу его краем глаза – посмотреть прямо не решаюсь. Пока.

Сегодня День святого Валентина, ровно год спустя автокатастрофы, в которой погиб мой муж. Я в двухстах милях от дома, возле магистрали «А» посреди Корнуолла. Для меня эта поездка – конец старого или начало нового, сама не знаю. Все кругом твердят, что пора жить дальше. Стараюсь верить.

Дождавшись просвета в потоке машин, я перебегаю через шоссе и оглядываюсь. Мой «ниссан-микра» стоит на полосе временной стоянки, покачиваясь от обратной тяги несущихся мимо грузовиков. Из окна салона за мной наблюдает мой пес. У меня такое чувство, что за мной следят. Наверно, просто кажется: место уединенное, никто и не думает здесь останавливаться. Либо я испытываю вину, причин для которой предостаточно. Но главное – я слишком долго откладывала эту поездку.

Прийти на место аварии, оставить цветы – обычное дело. Вдоль дорог полно столбиков с примотанными целлофановой пленкой букетами в память о погибших велосипедистах. Необычно то, что я так долго не могла этого сделать. В ночь аварии инспектор Морроу, сообщившая мне о гибели мужа, была готова отвезти меня туда; патрульная машина стояла у дверей. Пегги воспротивилась. Моя сестра заявила Морроу, что заберет меня к себе, потому что пять часов езды в дождливый, продуваемый всеми ветрами Корнуолл и обгоревшие обломки машины на пустынной дороге окончательно сведут меня с ума. В другой раз. Зак умер, и я уже ничем не смогу ему помочь.

Подробности мне сообщили практически сразу. Незадолго до аварии Морроу прошла курсы психологической помощи семьям погибших в результате несчастного случая или суицида и принялась отрабатывать на мне полученные знания. Насколько я поняла, шансов выжить у Зака не было: туман с моря и мокрая дорога, крутой поворот и автомобиль с откидным верхом, на пассажирском сиденье – пара бутылок его любимого однобочкового солодового виски*, в багажнике масляные краски и перепачканные тряпки, плюс толстое дерево на краю дороги – все сошлось один к одному.

Я никак не могла решиться на эту поездку, и никто меня не осуждал. Зак очень любил Корнуолл. После него остался домик, которым мне предстояло заняться. Рано или поздно я бы туда все равно поехала. Шли дни, недели, а во мне поднимался страх. Я боялась опустевшего бунгало и чувства утраты, которое обрушится на меня с новой силой.

—————сноска—————

* Разновидность односолодового виски. Является продуктом одной перегонки, разливается в бутылки прямо из бочек, не соприкасаясь ни с одним другим продуктом. Наиболее дорогой сорт виски, стоимость которого по крайней мере в два раза превышает стоимость обычного односолодового виски. (Здесь и далее – прим. перев.).

—————конец сноски—————

Меня бьет дрожь. Облака сгущаются. Пронизывающий ветер треплет полы пальто. Надо заканчивать поскорее и возвращаться к машине, пока не стемнело. Мотоцикл с ревом обгоняет грузовики, я отшатываюсь. Дома, в двухстах милях отсюда, затея казалась мне правильной, теперь от нее пахнет безумием.

Я пробираюсь по узкой обочине между белой линией разметки и железным ограждением. Медленно, шаг за шагом. Говорят, так и нужно выбираться из сложных ситуаций. Шаг за шагом. Я внимательно смотрю под ноги на усыпанную мусором землю: обертка от гамбургера, измазанная кетчупом, использованный презерватив, блестящий в грязной траве. Застрявший в ограждении пенопластовый стаканчик из-под кофе хлопает на ветру каждый раз, когда мимо пронесется машина. Я подхожу к повороту и слышу гудок – то ли предупреждение, то ли изумление при виде сумасшедшей, бредущий по шоссе с охапкой цветов.

Добравшись до места, я кладу гиацинты на землю. Так правильно? Или следует прикрепить их повыше? Надо было думать раньше, хоть бы клейкую ленту догадалась взять! Зак обязательно бы так и сделал. Впрочем, мой приход вряд ли бы его обрадовал – он счел бы его не данью памяти, а оскорблением. Зак ненавидел сентиментальность в любых проявлениях. Даже юбилейные даты. Он решил бы, что я следую клише или пошла на поводу у друзей.

«Кто тебе насоветовал, Лиззи Картер?!»

Я разглядываю дерево, его темные ветви как жилы на фоне серого неба. В придорожных кустах зияет старый прогал, хотя на концах измочаленных побегов сидят бледно-зеленые почки. Мне больно от того, как быстро оправился боярышник – будто ему все нипочем. Я оглядываюсь, перешагиваю через аварийное ограждение, и вот он дуб, высокий и величавый, несмотря на глубокую рану в грубой коре.

Дерево Зака. Я провожу рукой по шершавому стволу, прислоняюсь к нему головой. В глазах стоят слезы.

Моя подруга Джейн считает, что мне не следовало сюда ехать. В ответ на заверения, что я справлюсь, она расхохоталась. Дурачась, я просюсюкала пару фраз из книжки для тех, кто перенес утрату, которую мне вручила сестра: для меня это «ритуальная поездка», цель которой – «церемония

возложения цветов». Я не стала говорить всю правду – какие смешанные чувства я испытываю, как мне тяжело и насколько мне важно избавиться от призраков прошлого.

Неужели боль утраты повергает в такую растерянность всех – или это только мне «повезло»? Бывают дни, когда я смиряюсь с его смертью и хожу, будто в воду опущенная. Повседневные дела вроде мытья посуды или оплаты счетов вызывают отвращение. Меня тошнит от голубей, что гнездятся напротив окна спальни, меня раздражают спешащие в школу дети. Даже мелочи выбивают меня из колеи. На прошлой неделе по Норткуот-роуд пронесся велосипедист в белом шлеме, и мне настолько поплохело, что ноги подкосились. Пришлось сесть прямо на тротуар рядом с магазином «Кэпстик-Спорт». Бывают дни, когда я забываю. Чувствую себя свободной и почти беззаботной, и вдруг накатывает волна жгучего стыда, от которой не знаешь, куда деваться. На смену бодрости приходят апатия и депрессия. Я снова забрасываю все дела.

Стоя здесь, я чувствую себя ближе к нему. Для того я и приехала. Я впервые осознаю, что он действительно умер. Как бы ни было трудно, я должна его отпустить, ведь он был любовью всей моей жизни, несмотря ни на что! Пегги права. Этого мужчину я любила сильнее и дольше всех, с ним я провела больше всего минут, часов, дней... Я закрываю глаза, пытаюсь сдержать слезы, и гадаю, удастся ли избавиться от навязчивых мыслей.

Под ногами что-то хрустит. Я опускаю глаза и вижу возле корней дерева букет. Лилии сорта Касабланка в стандартной целлофановой обертке, привязаны к стволу широкой фиолетовой лентой.

Я отступаю на шаг. Первая мысль: еще одна авария. Несчастливое место! Дорога делает крутой поворот, можно запросто слететь с шоссе. Особенно в туман или дождь.

Чужие цветы приводят меня в замешательство. Я не знаю, куда положить свои гиацинты. Лилии выглядят такими безупречными и значимыми. Стою и не знаю, что делать. Несмотря на неприязнь к ритуалам, Зак вряд ли захотел бы видеть рядом чужие цветы. И тут я замечаю записку. На белом листе нарисовано сердце, вокруг него чье-то имя – ХАННА. Наверху большими черными буквами написано: «для Зака».

Честное слово, сначала я подумала: надо же, какое совпадение! Кто-то еще по имени Зак попал в аварию и умер на этом самом месте. Интересно, его машина тоже превратилась в «огненный шар», как выразилась инспектор Морроу?

Наконец сообразив в чем дело, я кладу цветы на землю, чуть поодаль. Встаю, в полном трансе прохожу через прогал в зарослях боярышника, перешагиваю аварийный барьер и бреду обратно к машине, опустив голову. Подняв взгляд, неожиданно замечаю серебристый внедорожник, припаркованный вплотную к моей «микро».

Сердце замирает. Пытаюсь перебежать через дорогу, однако ноги почти не слушаются. Из-за поворота несутся машины и возмущенно гудят. Юбка хлопает на ветру, концы шарфа закрывают лицо. Визг тормозов, рев клаксона. Порыв воздуха, холодные брызги из-под колес.

Кое-как открыв дверцу, падаю на сиденье. Пес радуется мне, лижет руки, виляет хвостом и в то же время пытается вырваться. В зеркале заднего вида – серебристый внедорожник. Водитель втянул голову в плечи и выруливает на шоссе. Должно быть, останавливался узнать дорогу или позвонить. Или нет?

Смотрю на себя в зеркало: веки покраснели, на щеке царапина. Глажу Говарда по голове, зарываюсь пальцами под ошейник и трогаю складки на шее. Стараюсь не расплакаться.

Нарисованное сердечко. Ханна. Он никогда не упоминал ни о какой Ханне.

Острый укол ревности мешается с застарелой тоской, но, как ни странно, впервые за долгое время я не чувствую себя виноватой. У него была другая. В горле ком и привкус горечи, и все же я испытываю неожиданное облегчение.

* * *

В роли Купидона выступил интернет. Я этого не стыжусь. А вот моя сестра Пегги чересчур озабочена приличиями, поэтому заявила, что дело было не так. Якобы все началось со случайной встречи в супермаркете.

– Говорите всем, что вы столкнулись, выбирая свежие фрукты, – велела она. – Потянулись к одному и тому же ананасу или типа того.

– Либо к готовым блюдам, к примеру, – сказала я.

– Ага, выбирали свиные фрикадельки от «Мистера Брэйна», – кивнул Зак и улыбнулся. – Или типа того.

Сперва я относилась к нему настороженно. Я не понимала, что Зак во мне нашел. Увидев, как он пытается понравиться Пегги и шутит с нею на кухне, я позволила себе влюбиться.

Зарегистрироваться на сайте знакомств меня подвигла Джейн, живущая в счастливом браке с мужем, которого знает с детства. С тех пор, как мы с ней познакомились в колледже, я всегда была девушкой одинокой (кроме короткого романа, случившегося со мной лет в двадцать). Мы работали в одной школе, куда она же меня и устроила библиотекарем, и на каждой перемене Джейн насаждала на меня с новыми силами.

– Времена изменились! В этом нет ничего предосудительного. Просто выбери вебсайт, указанный в солидной газете. Там ты найдешь правильного мужчину. Как бы тебе объяснить... – Она нетерпеливо покрутила руками, подыскивая подходящее слово. – Образованного!

Иногда Джейн забывает, что в отличие от нее я не училась в университете.

В своей анкете я хотела написать следующее: одеваюсь небрежно, работаю библиотекарем, других умений и навыков нет, в одиночку ухаживаю за больной матерью (сенильная деменция), опыт романтических отношений скромный. Джейн решила иначе. Отпихнув меня от компьютера, она выдала: друзья считают меня веселой и компанейской искательницей приключений, обожаю путешествовать по всему свету, чувствую себя одинаково удобно и в джинсах, и в маленьком черном платье.

– У меня и платья-то нет!

Джейн прищипнула.

– И что с того?

Зак был шестым по счету. Художник, живет в Брайтоне – гораздо дальше пятимильного радиуса, который я для себя установила. Шансов встретиться было мало. Он позвонил и пригласил на прогулку. Считается, что отправляться на прогулку вдвоем – довольно рискованно, лучше встречаться в людных местах. Зак с самого начала показал, что ему плевать на правила. Остальные кандидаты писали мне длинные электронные письма. Чтобы лучше узнать друг друга, мы обсуждали преимущества жизни в городе и в сельской местности, сексуальное общение и дружеские отношения. Зак спросил, можно ли мне позвонить. К тому же вместо нелепых ником вроде «Ищу_Любовь_007» он использовал свое настоящее имя – Зак Хопкинс.

На фото он не был ни на лыжах, ни рядом со старинным автомобилем. Он не обнимал немецкую овчарку. Черно-белая фотография, чуть-чуть не в фокусе, снята в движении. Рот приоткрыт, вид немного хмурый и сосредоточенный, будто он разгадывает кроссворд. Вроде бы вполне обычное фото и выбрано случайно, хотя, как я поняла гораздо позже, в жизни Зака ничего не было ни обычным, ни случайным.

На прогулку я согласилась без колебаний. Низкий, уверенный голос, чуть насмешливый тон. Он сразу перешел к делу. Зак очаровал меня буквально с первой минуты, его решительность меня ошеломила.

От Брайтона до Клэпхема он добрался на поезде, я ждала его на новом выходе со станции и очень нервничала. Стоял ноябрь, небо было затянуто тучами, на воздухе свежо, но не холодно. Зак надел меховую шапку и теплое пальто поверх мешковатого льняного костюма. По дороге я с трудом сдерживала Говарда, пришедшего в дикий восторг от шапки, а Зак признался, что потратил уйму времени на выбор одежды.

– Хотел произвести на тебя впечатление. Ведь ты обожаешь путешествовать по всему свету! – Он чуть поклонился. – Еще мне хотелось придать нашей встрече нотку экстравагантности, которую мы бы потом оба вспоминали. Представляешь, когда-нибудь мы оглянемся, и ты спросишь: «А помнишь ту меховую шапку, что ты надел на наше первое свидание? И о чем ты только думал?» Вдобавок у меня есть дополнительное преимущество, – он принял соответствующую позу, – пальто выгодно подчеркивает мое спортивное телосложение!

Зак был настолько красив, что при разговоре с ним я терялась. Широкие плечи, синие пронизательные глаза, высокий рост. На предыдущем свидании, сидя в кафе «Старбакс» с Мистером Хорошим Парнем, инженером электросвязи в «Кристалл палас», я увидела наше отражение в зеркале. Покатые плечи, лица бесстрастные и при этом беззащитные. Будто две черепахи без панцирей. Я не понимала, что Зак делает рядом со мной. Зачем ему тратить на меня время? В его речи чувствовалась легкая нервозность, он явно пытался форсировать события и поскорее сблизиться. Он был прямой противоположностью беззащитной черепахи, эмоции в нем били ключом.

– Телосложение у тебя отличное, – наконец пробормотала я.

Не успели мы подойти к перекрестку на Южной Кольцевой, как Зак взял меня за руку и сунул ее к себе в карман, чтобы согреть.

Это самое яркое впечатление нашей первой встречи: теплые заглубившие пальцы, сухие от масляных красок и растворителя, потрескавшаяся ладонь. Я вспоминаю вовсе не его разговорчивость, не пальто и нелепую шапку. Во время прогулки он не просто держал мою руку в своей. Он поглаживал ее большим пальцем, будто мясо перед покупкой ощупывал.

Позже, когда мы узнали друг друга ближе, он рассказал мне о трудном детстве и о своих проблемах с доверием. Как проникновенно он смотрел мне в глаза – у меня просто кости плавилась от его взгляда! Зак признался, что знакомиться в интернете его заставило вовсе не одиночество. Одиноким женщины попадались буквально на каждом шагу, но он искал чего-то нового. Ему хотелось начать с самого начала.

* * *

Я поворачиваю ключ зажигания и трогаюсь. Движение на дороге плотное. Конец субботнего дня, местные возвращаются с футбольного матча. С полей напалзают сумерки. Мне нужно проехать еще двадцать миль, – я обещала Джейн, что доберусь до домика Зака засветло. Только она знает, как страшно мне туда возвращаться.

Я выбираю длинную дорогу: обходная через Бодмин, потом по главной до Вэйдбриджа. Две стороны треугольника. Этим путем Зак ездил в Галлз, пока не нашел более короткий маршрут. Морроу выяснила, что год назад Зак проскочил нужный съезд и свернул на следующей кольцевой развязке. Морроу предполагает, что он выпил. Зак наверняка был очень уставшим, ведь днем раньше он засиделся допоздна с арт-дилером в Эксетере, провел беспокойную ночь в гостинице и потом целый день писал свои картины на болотах.

Я вспоминаю последний раз, когда видела его живым – утром накануне аварии. Маленькая кухонька в Вандсворте. По радио передавали результаты дополнительных выборов в Хэмпшире. Я опаздывала на работу, с опаской набросила пальто, взяла собачий поводок, нахлобучила шляпку. На пути к двери Зак схватил меня за рукав. Зрачки его были сужены, радужка посветлела. Похоже, настроение его резко изменилось.

– Я тебя люблю! – страстно воскликнул он, притягивая меня к себе. – Ты ведь знаешь?

– Знаю, – ответила я. Никогда в этом не сомневалась.

– Потому что это действительно так. Я люблю тебя!

Он смачно поцеловал меня в губы. Я почувствовала вкус кофе, мяты и вчерашнего виски. Как всегда, я поддавалась, ноги ослабели, сил сопротивляться не было. Внутри все сжалось, на глаза навернулись слезы. Если бы он коснулся губами ямки на шее, я наплевала бы на и на работу, и на страх, и поднялась бы с ним в спальню.

– Извини, что положила в курицу грибы, – сказала я.

– Я думал, ты знаешь, – ласково ответил он.

– Как я могла забыть! Извини, что задержалась вчера. Пегги беспокоилась из-за ребенка.

– Она вертит тобой как хочет, – неодобрительно сказал Зак.

Подошел Говард и ткнулся носом мне в локоть. Я почесала его за ушами. Ему нездоровилось, и я встревожено приложила руку к его груди.

Зак отвернулся.

– Ты любишь эту псину больше, чем меня!

– Нет!

Он переставил кофейник и свою чашку так, чтобы ручки были повернуты в одну сторону. Поправил чайную ложечку на блюде.

– Поклянись!

Я поднялась с колен и заставила себя рассмеяться. Решение принято, я уйду. Письмо написано и отправлено, он получит его в Корнуолле. Лучше, если он прочтет его там, подальше от меня. Я надеялась, что наш последний завтрак вместе будет нормальным. Собственный голос казался мне слишком высоким и сдавленным, пересохший язык едва ворочался во рту.

– Клянусь, что я не люблю пса больше, чем тебя!

Перед его гибелью мы разговаривали еще дважды: я позвонила ему вечером и на следующий день после обеда. Мне просто хотелось напоследок услышать его голос. Он был в Дартмуре, на холме Косдон, и писал старинные развалины. Унылые и мрачные, сказал Зак, они тянутся вдаль будто безымянные могилы. Ему нравилось писать в гаснущем свете дня. В свой домик он собирался вернуться уже в темноте. Я попросила его быть осторожнее на неосвещенном участке дороги. Это был наш последний разговор.